

Синжэнь моргнула своими большими миндалевидными глазами, и слезинка — судя по всему, от обиды — скатилась по щеке. Она тут же вытерла её маленьким квадратным платком.

И верно, даже если бы его унесли, он должен был бы лежать в поминальном зале. С чего бы ему оставаться в кровати? Как же я мог так поглупеть.

— В родном доме...?

Я был озадачен, и это казалось донельзя смешным. Если посчитать, мы были вместе довольно долго, но я даже не знал, где находится родной дом Цин Хэна.

— Да, в родном доме... Где именно, Синжэнь тоже не знает... Господин, с вами... всё в порядке?

Её большие глаза снова моргнули, и в них отразилось до боли знакомое беспокойство.

Я ответил невпопад, разглядывая рану, которую, по-видимому, перевязывал Цин Хэн. В душе я всё ещё лелеял безумную надежду, что он жив. Улыбнувшись Синжэнь, чтобы успокоить её, я проговорил:

— С раной уже всё в порядке.

Синжэнь замерла, поморгала и, запинаясь, спросила:

— Господин, вы... проголодались?

Я покачал головой:

— Нет.

Затем я медленно скинул одеяло и поднялся, совершенно не зная, чем себя занять.

— Но... но... — вид Синжэнь стал ещё более суетливым и встревоженным.

— Но что?

Остановившись посреди процесса одевания, я бросил на неё взгляд и не удержался, чтобы не коснуться лба. Хотелось больше не обращать на неё внимания — в самом деле, я уже взрослый человек, а не трёхлетний ребёнок, стоит ли так переживать?

— Но... вы проспали три дня... — уголки глаз Синжэнь снова покраснели, готовые вот-вот

пролиться слезами.

Я приподнял бровь:

— Значит, проголодался. Сходи на кухню и принеси что-нибудь поесть в мои покои.

Три дня, значит? Не так уж и долго... Я думал, что засну так же крепко, как и он, и не проснусь, а оказалось, всего лишь три дня.

Эх, ладно, пусть будет так. В конце концов, у меня на сердце осталась незавершённая цель, дело ещё не закончено, как же я могу навеки уснуть? Вот когда всё уладится — тогда можно и проспать вечность. По крайней мере, в ушах будет покой, и не нужно будет думать о чувствах, о взаимоотношениях, об истинных намерениях и прочей ерунде.

Синжэнь ответила и, даже не подняв головы, помчалась к дверям. Едва добежав до порога, она с размаху столкнулась с кем-то. Человек был облачён в ярко-жёлтые одежды, а его длинные волосы, собранные под золотую корону, из-за внезапного толчка рассыпались по плечам, делая его безупречно красивое лицо ещё прекраснее.

Синжэнь в испуге повалилась на колени и принялась судорожно бить поклоны:

— Ох! Император, простите, император, простите! Синжэнь заслуживает смерти, как я могла столкнуться с самим императором!

— Пустяки, ступай, — Фэн Инь слегка прищурил свои глаза-фениксы, не придавая значения её оплошности, и уверенно зашагал ко мне.

Синжэнь с облегчением перевела дыхание, пробормотала слова благодарности и бросилась наутёк.

Что ж, теперь моя очередь кланяться. Эти утомительные церемонии — сплошное мучение.

— Подданный приветствует императора. Не знал, что Ваше Величество почитает меня своим визитом, не смог встретить вас должным образом, прошу прощения.

Снова эти заезженные фразы, от которых меня уже самого воротит.

Фэн Инь приподнял свои тонкие, как ивовые листья, брови, его бледно-розовые губы дрогнули, и до моих ушей донёсся едва слышный вздох досады. Я опустил глаза и увидел его белые, лишённые грубых суставов руки — они были очень красивы. Поднимая меня, он действовал совсем не так слабо, как могло показаться по внешности, — его хватка была крепкой.

— Цзыцин, я же помню, что говорил: когда вокруг никого нет, соблюдать такие формальности не нужно, — произнёс он мягким, спокойным голосом, в котором звучала лёгкая досада.

Я улыбнулся и решил вести себя попроще:

— Конечно, я помню. Просто привычка, стоит потерять бдительность, как снова нарушаю.

Пока я говорил это, Фэн Инь не сводил с меня своих глаз-фениксов. Его губы были приоткрыты, словно он хотел что-то сказать, но медлил. Наконец, он произнёс то, что вертелось у него на языке:

— Цзыцин, тебе... не больно?

Э-э... Должен ли я испытывать боль?

Я покачал головой, воздержавшись от ответа.

Что до боли... Если подумать, пройдёт немного времени, и я смогу отправиться к нему. Если я снова увижу Сыжания, мне будет стыдно и неловко, с чего бы мне испытывать боль?

Фэн Инь, казалось, почувствовал облегчение, в его глазах-фениксах промелькнула радость:

— Цзыцин, рана зажила? Почему бы тебе не отдохнуть как следует в постели?

Я усмехнулся и покачал головой:

— Уже намного лучше. Я пролежал несколько дней, пора бы начать немного двигаться.

— Тоже верно.

Фэн Инь кивнул. Вероятно, решив, что стоять вот так — не дело, он неспешно подошёл к столу и разлил чай.

Как раз вовремя, я и сам хотел пить. Всё равно Фэн Инь с самого начала твердил, что соблюдать церемонии не нужно, так что я не стал скромничать. Взял чашку, сдул горячий пар, прикрыл чай крышечкой, чтобы отсеять плавающие листья, и сделал несколько глотков.

Фэн Инь, увидев это, сначала замер, а потом беспомощно покачал головой. Уголки его губ поползли вверх, он одной рукой придерживая широкий рукав, а другой взяв чайник, налил ещё чашку. Он не спеша помешивал заварку в чашке — в этом жесте было столько ленивой неги.

Должно быть, я очень хотел пить, потому что чашка быстро опустела. Этот ароматный чай напомнил мне тот, что Цин Хэн заваривал своими руками под скалой. Тот чай с горчинкой и сладким послевкусием был не хуже, чем в княжеской резиденции, просто я привык к нему.

Чай был выпит, и слова, что долго хранились у меня на душе, сегодня наконец захотелось произнести. Я поставил пустую чашку на стол, посмотрел в его глаза-фениксы и спросил:

— Фэн Инь, почему ты так добр ко мне...?

— Потому что ты мой дядя, — в его глазах-фениксах светилась радость, на которую было трудно смотреть. Фэн Инь помедлил и улыбнулся, как озорной ребёнок — я впервые видел его таким, — а также ты мой Цзыцин.

Мой... э-э, должно быть, я слишком много надумываю. У этих слов нет иного значения, совсем нет.

Эх, всё стало сложнее. Если он будет так относиться ко мне, как я смогу вынести это внутри? И как я смогу поднять на него руку...

— Цзыцин, такие дни — это прекрасно, не так ли? Впредь, пожалуйста, не будь со мной так официален.

Я завороченно смотрел на ожидание в его глазах-фениксах и, открыв рот, вымолвил:

— Хорошо.

Прекрасно ли? Теперь я вспоминал прежние дни: тихие, спокойные, ленивые. Каждый день сидеть в беседке, смотреть, как летают бабочки, опадают лепестки, ждать, как сменяются день и ночь, или гулять и любоваться танцами с Фэн Инем, Фэн И и другими — это было чудесно. По крайней мере, Цин Хэн тогда был жив и здоров, может, у них с Цин Лянь даже были дети... По крайней мере, Сыжань... Он всё ещё жил в моём сердце, он всё так же мягко улыбался, не злясь и не насмехаясь.

Я медленно вернулся к реальности. Только сейчас вспомнил, что воины, которые ездили со мной на границу, сегодня должны были вернуться в столицу. Но почему тогда Фэн Инь в моей резиденции...? Может, они уже вернулись? Или всё ещё в пути?

— Фэн... э-э, Ваше... кхм, император, воины на границе...?

Фэн Инь улыбнулся и ответил:

— Возвращаются сегодня. — Он тихо рассмеялся: — Я ведь не какой-нибудь феникс, Цзыцин,

зови меня просто Фэн Инь.

Я сухо рассмеялся в ответ. В этот момент чёрная тень заслонила солнечный свет, падающий из окна, и резко навалилась на меня. От неожиданного порыва я пошатнулся и рухнул прямо на Фэн Иня, который сидел напротив. Фэн Инь остолбенел. При падении я, должно быть, ударился о круглый камень размером с гальку, висевший на его одежде, — грудь пронзила острая боль, и из раны, кажется, просочилось что-то горячее.

На лбу запульсировала вена. Я оттолкнул человека, лежавшего на мне. Фэн Инь так и остался сидеть там — возможно, внезапное движение слишком сильно его напугало, и теперь он застыл с таким ошарашенным видом, словно унёсся мыслями куда-то далеко.

Разумеется, этот внезапный толчок напугал и меня — по спине пробежал холодный пот.

Я, я, я... на кого я сейчас навалился...? На Фэн Иня! На нынешнего Сына Неба! Если Фэн Инь придёт в себя и разгневается, как мне сберечь свою голову?!

— Мужун Син!

Чем больше я думал, тем больше ужасался. Я выпрямился, оглянулся и хотел было сдерживать гнев, раздумывая, не дать ли Мужун Сину пару тумаков. Но, увидев, что тот смотрит на Фэн Иня с выражением крайнего испуга, я решил не обращать на него внимания и бросился к Фэн Иню с лицом, полным жалости и тревоги.

— Старший брат! Ну посмотри, что ты наделал, ты так придавил маленького Иня! Посмотри, как ты его напугал! Если с маленьким Инем что-то случится, как я буду жить дальше!

Да провались ты пропадом...

Я потёр пульсирующий висок, изо всех сил подавляя готовый вырваться гнев, и случайно бросил взгляд на дверь. Увидев мелькнувшую там светло-зелёную тень, я почувствовал, как пульсирующая вена на лбу забилась ещё сильнее.

— Синжэнь, что ты там прячешься, как воришка? Почему неходишь?

Через мгновение Синжэнь высунула в дверь свою маленькую головку, её чёрные, как смоль, глаза удивлённо вращались, а затем она протиснулась в комнату вместе со своим телом и подносом с едой в руках.

— Господин... император он... — Синжэнь посмотрела на меня, затем на Фэн Иня, который нахмурился, слушая чрезвычайно шумного Мужун Сина, изливающего потоки сочувствия. В её чёрных глазах мелькнул испуг.

— Ничего страшного, подходи, — эта боязливая Синжэнь, право слово, сплошная головная боль.

Синжэнь кивнула, хихикнула и не преминула вставить:

— Господин такой могучий! Как вы узнали, что Синжэнь за дверью?

Я вздохнул, потёр лоб и указал на край её светло-зелёного платья:

— Угол подола торчал!

Синжэнь всё поняла, и, глядя, как она разворачивается и направляется к выходу, я понял, что эта глупышка хочет проверить это снова...

Я прикрыл глаза и тяжело вздохнул:

— Стой, еду оставь.

Синжэнь моргнула большими глазами, глупо улыбнулась, поставила еду на стол и в мгновение ока исчезла.

Мужун Син, который неизвестно когда перестал болтать и смотрел на всё это, забыв о приличиях, прыснул со смеху. Он согнулся пополам, держась за живот — должно быть, от смеха разболелся живот. Фэн Инь тоже сменил свой недовольный вид, попивая чай с лёгкой улыбкой — в его глазах-фениксах было одно веселье.

Глядя на трясущегося от хохота Мужун Сина, я нахмурился, в глазах мелькнули странные мысли — впервые в жизни возникло желание, чтобы он навсегда замолчал.

— Мужун Син.

— А? Старший брат, что-то случилось? О... ну, старший брат, ты так добр ко мне, как раз вовремя, я проголодался, дай посмотрю, что тут вкусенького.

Мужун Син полностью проигнорировал мой гнев и с беззаботным видом подошёл ближе. Он заглянул в то, что Синжэнь оставила на столе, и на его лице появилось изумление, а затем — явное отвращение.

— Это что... капуста? Рисовая каша? Старший брат, это же княжеская резиденция, как можно быть таким скупым! Эта пустая рисовая каша, в ней же ничего нет, — повернувшись, он с упрёком посмотрел на Фэн Иня: — Маленький Инь, как ты можешь так издеваться над

старшим братом? Он же ранен... Как можно обходиться без питательной еды?

Фэн Инь слегка кашлянул, его глаза-фениксы естественным образом устремились на меня, в них читался немой вопрос.

Впрочем, упомянув о ранах, я сам вспомнил о травме на груди. Проследив за взглядом Фэн Иня и Мужун Сина, я тоже посмотрел на рану: белая одежда, которую я надел сегодня, пропиталась кровью, которая медленно расползалась, как чернила на рисовой бумаге. Пришла и боль от рваной раны.

Мужун Син ахнул и плотно сжал губы, не говоря больше ни слова. Фэн Инь нахмурился ещё сильнее, его лицо побледнело, и он выглядел так, будто это он ранен, а не я. Он приказал слуге немедленно вызвать лекаря из дворца.

После этого в комнате воцарилась мёртвая тишина, сменившая прежний шум.

— Э-э... Это не вина Фэн Иня, я сам вспомнил и захотел поесть чего-нибудь лёгкого. Не стоит так переживать. — Я сухо кашлянул, чтобы сгладить неловкость.

Мужун Син похлопал меня по плечу, вздохнул, изображая старшего, наставляющего младшего, от чего у меня снова задёргался глаз. Фэн Инь, сдерживая улыбку, попивал чай, делая вид, что всё происходящее его не касается.

Через некоторое время Синжэнь привела седого старого лекаря. Следом шёл молодой евнух — вероятно, пришёл по делам Фэн Иня.

Так и оказалось.

Евнух поклонился мне, назвал князем, затем быстро подошёл к Фэн Иню, прошептал что-то на ухо и послушно встал рядом. Вероятно, в делах двора что-то случилось или в гареме Фэн Иня возникли проблемы. Я увидел, как Фэн Инь слегка нахмурился, в его глазах промелькнуло раздражение. Он встал, сложил руки, прощаясь со мной. Мужун Син, увидев, что Фэн Инь и евнух направляются к выходу, улыбнулся мне, пообещал зайти как-нибудь в другой раз и, приплясывая, последовал за ними.

Теперь в комнате остались только я, Синжэнь и этот дрожащий старый лекарь.

Однако... почему этот лекарь кажется мне таким знакомым...?

Пригляделся: седая борода, мутные глаза... Точно, у меня же хорошая память! Это же тот самый лекарь, который осматривал Цин Хэна! Судя по его целому лбу, та травма уже давно зажила.

Но от того, как он дрожит, глядя на меня, кажется, что тот случай оставил у него сильное впечатление...

— Кн-князь, пожалуйста, присядьте на тахту, позвольте... позвольте старому слуге осмотреть вас... — лекарь дрожащими руками не знал, что делать.

Я сел на тахту, напустил на себя, как мне казалось, благодушную улыбку и смягчил тон:

— Лекарю не нужно так волноваться. Тот случай — моя вина, я приношу вам свои извинения.

После этих слов в его мутных глазах появилось изумление, которое вскоре сменилось восхищением. Дрожь утихла, и он принялся менять повязку на ране у меня на груди.

Вскоре он закончил, собрал вещи, дал несколько наставлений и ушёл. Я взглянул на кипенно-белую повязку — способ перевязки был до боли похож на тот, что использовал Цин Хэн. Как и ожидалось, я всё же выдавал желаемое за действительное. Цин Хэн... как он может быть жив?

Абрикосовое дерево в саду виднелось прямо из коридора. На зелёных листьях не было видно красных абрикосов, а рядом с коридором цвели пурпурно-красные цветы, ослепительно сияющие на солнце. Но как бы красиво они ни цвели, это всего лишь мимолётное мгновение. Придёт время, они завянут, опадут на землю и станут удобрением. Это всего лишь цветок. Кому какое дело до его бывшего великолепия и чувств?

Смотрите, дунул ветерок, лепестки срываются с цветов, кружась, опускаются в зелень листьев. Другие цветы всё ещё стоят, кто когда-нибудь замечал, когда они расцвели, а когда завяли...?

Пальцы машинально постукивали по ярко-красным перилам. Взгляд блуждал в пустоте, не видя ничего — ни цветов, ни трав, ни того абрикосового дерева, ни человека, спящего в земле под ним...

Раз отец погиб, эта резиденция теперь принадлежит мне, князю Сян. А желания матушки... Тьфу, зачем мне забивать этим голову? В такое время лучше поступать так, как хочется самому.

Тот, что под деревом... пришло время его откопать. Негоже ему так вечно лежать там. Если однажды я сам отправлюсь на небеса, возможности уже не будет. Хотя, если честно, Сыжань так близко, что каждый вечер я мог бы взять кувшин вина или чашку чая и поговорить с ним — может, если бы он был счастлив, то явился бы мне. Но теперь я не смею об этом мечтать. С моим распутным сердцем, какое право я имею открываться ему...?

— Синжэнь, позови нескольких слуг, пусть возьмут лопаты... Хм, слуг не нужно, просто найди лопату.

Если эти неуклюжие слуги повредят Сыжаня, это будет скверно. Лучше я сам.

Опустив глаза, я произнёс это вполголоса, но Синжэнь, стоявшая позади, должна была услышать.

— А?! Господин, вы, что вы сказали?

Я повернулся. Ожидаемо, Синжэнь стояла с ошарашенным видом. Я приподнял бровь и с терпением повторил:

— Иди найди лопату, не заставляй меня повторять в третий раз.

Синжэнь закрыла рот. Я не хотел больше ничего объяснять, пусть остаётся в своём недоумении.

Она промедлила, прежде чем отправиться на поиски. Я же направился к абрикосовому дереву. Выйдя из беседки, сел прямо на землю и, глядя на почву под деревом, погрузился в грёзы.

Казалось, я снова вижу Сыжаня: его лёгкую улыбку, то, как он злился, как читал книгу, как молча сидел с обидой в глазах — такой вызывающий жалость... И то, как он выглядел перед смертью: кровь на земле, израненное тело, местами виднелись кости. Это абрикосовое дерево пропиталось его кровью. Я коснулся пальцами коры, мне всё ещё чудилось, что я чувствую жар, который обжигает кожу... и эти глаза, полные боли...

Почему... почему это была боль?

Чего я, Фэн Цзыцин, стою, чтобы ты, Фэн Сыжань, до самого последнего мгновения продолжал питать ко мне чувства и беспокоиться обо мне...?

Никчёмный, я даже не смог защитить своего любимого. И тогда, и сейчас... Зачем я вообще живу на этом свете?

— Если... если я исчезну сейчас, Сыжань, скажи, ты бы смог жить дальше? Может, это ты сидел бы сейчас на золотом троне? Скажи, ведь так?

Лишь подул лёгкий ветерок, разогнав облака и скрыв солнце. Никто не ответил, да и никто не мог ответить.

Я опустил руку, вздохнул и криво усмехнулся — в этой улыбке сквозила душераздирающая горечь.

Сыжань, с самого начала нам не стоило так сближаться. Я жалею. Жалею, что позволил тебе полюбить меня, жалею, что не отпускал тебя, жалею, что разрушил твою помолвку, жалею обо всём, что было раньше, и жалею, что с самого начала принимал Цин Хэна за тебя, хотя прекрасно знал, что это не так...

Хотя... я должен был знать.

Во всём виноват я. Всё это — твоя смерть, смерть Цин Хэна — всё это моих рук дело...

Если я отдам свою жизнь, оживёшь ли ты и он?

Ха... Что за бред я несу?

— Даже если ты исчезнешь, он не оживёт. Господин, вам пора принять реальность.

Холодный, но до боли знакомый голос прозвучал рядом. Я повернулся и увидел его, красивое, застывшее лицо. Он говорил холодным тоном, констатируя факт, и вдребезги разбивал мои нелепые мысли...

— Му Сяохэнь, ты всё так же не умеешь утешать людей. — Я поднялся, горько усмехнулся, отряхнул пыль с одежды и встретился взглядом с глазами, которые, казалось, видели человека насквозь.

— Господин.

Му Сяохэнь сохранял привычное ледяное выражение лица. Глядя на меня, он нейтрально позвал: «Господин». Я знал, что он хочет сказать, и, вздохнув, ответил:

— Приступай... к осуществлению плана.

— Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/21938/2279254>